

ISBN 978-5-6050779-9-2

THE
SINGLE

Дмитрий Чернышев

ЕстЕСТво-испытатель

1 сторона	2 сторона
Речи Гуннара = речи Эмили Дикинсон	Прямое действие
«Я — «Ижора»...» — 4	28 — «Зелень. Сначала та,
«Привет, голодная звезда!...» — 5	что у Фальконе...»
Бал Господень — 6	29 — «Что значит уйти
Речи Гуннара — 7	в последний день...»
«Холодно и страшно...» — 10	30 — «Крым — наш...»
Танка — 11	31 — «Разве можно сказать...»
«Здравствуй, мой друг! За меня...» — 13	34 — «Командую флотом. Шмидт...»
«Но самым страшным было имя...» — 15	36 — «Я знаю несколько способов...»
Salomeya — 16	37 — «Я прокалываю мочку уха...»
Ленинград. Сенная площадь — 17	39 — Сигурд. Прогулка
Карты кажутся ему ужасом и пустотой — 19	по Павловскому парку
«Да, я видел тебя, как уводили...» — 21	41 — Эль президентэ
Речи друга — 22	42 — Последние дни лета
Воспоминания о ленинградском метро — 23	44 — За гранью гениальности
ВСТРЕЧА через 150 лет — 24	(последствие Игоря Дудинского)
«Его герой купил девочке...» — 25	

Дмитрий Чернышев
ЕстЕСТво-испытатель

Книга восемьдесят девятая

Москва, 2024

УДК 821.161.1-1 Чернышев
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ч-49

Дмитрий Чернышев. ЕстЕСТво-испытатель

Книга стихотворений. — Москва: дизайн-бюро «Револьверарт», издательство СТиХИ, 2024. — 52 с., ил. — Серия «Сингл» (The Single). Книга восемьдесят девятая. — Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».

ISBN 978-5-6050779-9-2

...Посмотрев на книжку Дмитрия Чернышева, я понял, что держу в руках свой личный философский камень, с помощью которого, наконец, могу превращать в золото всё что угодно. А что ещё нужно для полного счастья?

Игорь Дудинский

ДИЗАЙН-БЮРО «РЕВОЛЬВЕРАРТ»
.....
Делаем преимущества
очевидными

© Дмитрий Чернышев, текст, 2024
© Издательство СТиХИ, 2024
© Арсений Ли, дизайн серии, 2020
© Дизайн-бюро «Револьверарт», 2024

Речи Гуннара = речи Эмили Дикинсон

СТИХИ
• ИЗДАТЕЛЬСТВО •

* * *

Я — «Ижора».
Вижу «Тирпиц».
Открываю огонь

Для тех, кто не понял:

Je suis «Ijóra».
Je vois le navire de ligne
«Tirpitz».
— FEU!

* * *

Памяти княгини Екатерины Багратион

Привет,
голодная звезда!

я дарил тебе
голых картонных принцесс,
а ты одевала их
в платья
из папиросной бумаги

Mon Ange Nu

Бал Господень

Мы зайдём, а там —

время идёт совсем иначе!

...

душа скрыта трепетной плотью

«Ваше дивное платье “Maison La Vallette”»

Тут автор допустил ошибку:

точнее, La Valette-du-Ver

А душа — тоже увяла?

Облачилась в ветхие ризы, человеческие ткани

Что я — душегуб! — увижу под плотью платья?

Под тканью?

...

Мы зайдём, а там — время идёт совсем иначе!

Мы выйдем, одежды надеты Им — кожаные.

Речи Гуннара

и,
когда ты мне понадобишься,
я возьму тебя —
будешь держать ленту,
вторым номером.

На мотив Эмили Дикинсон № 754 “And Carried Me Away”

...

ты только верь мне,
девочка!
а я положу их всех.

[она держала мёртвого мужа,
и валькирии не смогли забрать его.]

Эмили Дикинсон цитирует Откровение Иоанна 21:10, подразумевая Небесный Иерусалим; обиженная Халльгёрд не дала две пряди своих волос для тетивы, Гуннар погиб (см. «Сага о Ньяле», LXXVII)

[Я вас начинаю!
И поедаю... если мало еды]

Запомни, запомни, запоминай: ты — медведь!
Ты, медведь, лапу туда, а эту сюда!

Убей кабана.

Вот склянка, намажешь себя!

Только не трогай свинью! Свинок, хрюшек!
Его самок!!!

Ы

Эта свинья родила Кота,
Который стал ужасом чего-то там!

Ки/ысы — натуральные свиньи!

Значит, так!
Только верхом,
Только с тяжёлым копьём

Или ты —
Неудачный сын.

Возвращаешься такой тяжёлый, пузатый,
Распухший,
Будто беременный,
Словно наконец-то наевшийся
Будто не ты сдох,
А Турх
А Тройт

Которого убил Артур!

* * *

Игорю Дудинскому

Холодно и страшно.

Самая милая (луТшая) в мире девчОнка-ёнка
 “Letka-jenkka” — станцована —
 хватает в польёте (лё-лё) зайтца
 (зайётс, зайАтс).

Хорошо схватила, кровь из жонки полилась!

Более того, мЕтель и мЯтель опробованы уже

Откуда,
 кто говорил
 «будет мЯтель и заец»???
 Я ненавижду
 и проклял Ых!

Метель, я заяц... Холодно и страшно.

Танка

Ольге Логош

При чтении этого текста следует помнить,
 что автор был вынужден пользоваться
 символикой времён Эдо
 ...хотя любит только Хэян.

Перед нами описание гибели
 человеческого существа,
 которое не может
 освободиться от низких страстей,
 даже перед смертью.

Конфликт прописан уже в первых пяти слогах <...>.

«через парапет» —

Вспомним этимологию слова парапет: «защита груди»,
 — соответствующая чакра пробита.

Геро(й/иня) в следующих семи слогах сломан и низвергнут. —
 «перегнёт — и упаду».

Тут стоит вспомнить,
что в русской поэзии «парапет» связал с рекой А. С.
Пушкин.
Кстати, хождение по мосту —
это традиционный символ совокупления
в поэтиках Юго-Восточной Азии.

Вторая лесса — прямая речь того, кто летит
и утопает.

**«но Я увижу
отражение — не Вы!»**

Родительный падеж имени нашей любимой реки
омонимичен крику погибающей души, чей ад —
в дурной бесконечности отражений —
«глазами любимого».

Это,
как и система внутренних рифм,
отсылает читателя к псевдоклассической
японской поэтике

* * *

Сергею Завьялову

Здравствуй, мой друг! За меня
не беспокойся.
Вот вчера: два шмеля на меня нападали,
— у нас в Коломягах
— один —
на Вербной, другой — на Поклонногорской.
Но ничего, обошлось,
это просто весна.

Ты спрашивал о...

Да, я влюбился в девушку — из черемисов. Анюта прекрасна!
Предвижу твои возражения... Да, весна... да, там у них керемети,
...мрачные культы
[...]

но помнишь, что писал нам монах Сальвиан:

«саксонские люди жестоки, франки коварны,
гепиды безжалостны, гунны — бесстыдны».

Я испытал это всё. А здесь — благодать!..

И было понятно: есть люди и нелюди.
 (У нелюдей в джунглях шлемы,
 зятянутые маскировочной сеткой)

...

Но вот тут оказалось, что главная нелюдь —
 это нелюдь наша,
 ей как раз выдан очередной
 золотой пентакль.

Она придумала, что надо взорвать водородную бомбу
 в глубине моря, вызвать цунами,
 и теперь в Ленинграде
 не спрятаться
 нам
 нигде

«академик Сахаров» — имя нелюди

Salomeya

влюблённая девочка
 плюнув на

...

Инанна
 сняла семь

...

из ямы

...

оголилась перед отцом

...

«ВЫКУП ГОЛОВЫ»

MORALITÉ: Il ne faut pas représenter le démon,
 même dans les meilleures intentions: ayant
 accompli une danse rituelle, Salomé a voué Jean
 Baptiste à la mort, tout en cherchant son salut.

© перевод, А.Ильянен, 2016 «То Генрих Мани, то Томас Мани,
 а сам рукой тебе в карман» © М. Кузмин, 1927

Ленинград, Сенная площадь

[Канун Вербного Воскресенья]

Ах, Майкель!
Мой старенький мальчик,
опять ты...

[нет, вот ту, попушистее, пожалуйста!]

опять ты! — faire la bête à deux dos
...любишь только себя?

Да ты девочку в себе любишь!

ну и вот, вместо пальмовых листьев

[Так! Ты, отсос, сблядни!..
Тебя здесь не стояло]

...подарю тебе вербу

Карты кажутся ему ужасом и пустотой

— пойдёмте, Кóка,
у меня ещё немножко есть с собой!

— Лида, ну... пожалуйста!

...

— Куда вы дели мои нормальные карты!

Откуда взяли эту колоду?

Здесь король, рыцарь, паж, королева, дама... девица
...и птицы!

На них нельзя, нельзя нам гадать!

— Я тебя... ой, нет, не надо... У меня...

А у тебя ТэБэЦэ

А мы — пицы.

Холодно как уже... занохай ещё!

...

А ты у нас гений... в этом городе тебя и похоронят...
могила Филострата...

Да не бей меня!!!

Мраморная красивая могилка на Смоленском.

Но недолго —
...не на долго, и-Исчезнет.
Дай похнуть!

ТЫ НЕ БЕЙ МЕНЯ, МАТУШКА РОДНАЯ,
ЖЕЛЕЗНЫМ МОЛОТКОМ ПО ГОЛОВЕ!

«Штутгартская колода», датируемая 1430-м годом, имеет четыре масти: две охотников и две — царственной дичи. Собаки и соколы — охотники, утки и олени — дичь. «На ступеньках подъезда, разложив подаренные им ей в прошлую ночь атласные карты, сидела Лида, прислонившись к дверям. Она дремала, полураскрыв рот... Фигуры оживают и вступают с ним в неумовное соотношение».

© Конст. Вагинов, 1928

* * *

Е. Горшковой

Да, я видел тебя, как уводили в концлагерь,
бритая Лида.
любимая.
ну и да. <это точка>

Можно,
я назову тебя
Майкель?

<>

похлоп-а-ы-вая по крупу
новомальчика
вспомнила ли
как
французские кони вытворяли диковины,
faisoinet mervelles

КОММЕНТАРИЙ: Конст. Вагинов мог бы сказать такое Лиде, поскольку был знаком со следующим изданием: Oeuvres de Jean Froissart / Ed. K. de Lettenhove, Bruxelles, 1867—1877...

Книга No 89

Речи друга

Здравствуй, радость!

<повелительное наклонение>

Привет!

У тебя всё хорошо?

...

И когда ты видишь кошку с раздавленным пузом,
из которого, как опарыши,
котятта нерождённые расползаются
в кровавой слизи, —
это ранний Мамлеев.

Это совсем не значит,
что Я сказал:

— У меня не боли, у кошки боли! <запоминай>

...

P. S. «Никогда не боли у Мити...»

Воспоминания о ленинградском метро

памяти Геннадия Григорьева

я помню:

фонари красной меди,
на станции, что была

«Красногвардейская»,

я видел

белую статую Пушкина

на «Чёрной речке», —

он искрился,
будто бы в иное.

...

ты спросил:

что останется после меня?

...

ты сказал:

ничего не останется после меня.

ВСТРЕЧА через 150 лет

Ты — останешься в сносках,
а у меня —
целый абзац!

Это как...

Однажды / два прекрасных поэта
/ украли у меня
/ серебряный кофейник.

Оба скоро умерли.
Но я простил только одного:
его любил мой пёс.

А ещё тот поэт сказал:

«Ангелы Россию водрузили
На безупречные снега...»

Второй — в аду.

© Владимир Нестеровский, «Азбука города», 1990

* * *

Светлой памяти Эдуарда Лимонова

Его герой купил девочке
кусочек зелёного счастья!

Помнишь,
как стояла у витрины,
а сама была
прозрачным стеклом?

Господи, хоть Ты
прояви милосердие,

хоть один грех прости
ему за это!!!

Пожалуйста, прости!

Книга No 89

Прямое действие
Action directe

2

СТИХИTM
• издательство •

* * *

Посвящается Тамаре Буковской

Зелень.

Сначала та, что у Фальконе
— и выше, —
где евангелисты.

Потом — в канале. Там отражаются:
и тополя, и:
мох между гранитных плит, и:
случайный одуван.
И мои глаза
цвета плесени на кусочке ржаного хлеба

* * *

Игорю Дудинскому

Что значит
уйти в последний день Ветхозаветной церкви?
Более того, в последний час?

Я знаю, с той стороны реки
Ты нас оцениваешь.

А здесь —
как всегда, день Духа

* [Святого] некоторые слова обыкновенно не записываются
и вслух не произносятся

* * *

Крым — наш
/поскольку/ «Смерть неизбежна»

Крым — наш
/покуда/ «Волга впадает в Каспийское море»

Крым — наш
/если/ «Лошади едят овёс и сено»

— Мама, а кто такие «лошади»?

...

У них было: «Дуб — дерево».
У нас:
«Мама мыла раму».

Не стекло она мыла, не окно.

* * *

Елене Зейферт

Разве можно сказать:
«Причина смерти — расстрел»?

Нет!
Это всего лишь способ.

Причина — проникающее огнестрельное
ранение затылочной части черепа.

Причина ли — казнь?

...

Всякий раз, уснув, я просыпаюсь.
Каждый раз, засыпая, я умираю.

Чудовищная, медленная мощь
не всем дана в ощущении

Не видят, не могут увидеть объективную реальность
те, кто не плакал на берегу великой реки:

Нила,
Волги,
Ганга,
Лены,
Темзы,
Лазури,
Амура,
Хуан-хэ,
Невы,
Амазонки

Р. С.: «материя это»

© В. И. Ленин, «Материализм и эмпириокритицизм», 1909

Мы не можем жить так.
Так, как мы жили раньше.

Чтоб на Москве реке —
Девичье поле,
а в Алуште
Генуэзский vicolo.

Мы пришли
с огнём и сталью.

Запомните, работоторговцы:
Крым — наш!

* * *

«Командую флотом. Шмидт»,
— говорит лейтенант Шмидт.

Все командиры убиты.

Машет с мачты сигнальщик?

Радист делает пи-пи-пи?

А незаметный кондуктор уже прыгнул за борт,
с книгой кодов?

...

Матросы жрали сырую печень офицера?

Да неправда, всё врут: и не здесь,
и не сырую, на лучинках жарят,
это герои Цусимы, их научили японцы.

Да, могу, но только для Вас...
...всех

просто расстреляли,
там и кинули в канаву,
на Заячьем острове, напротив кронверка.

Потом понадобилась жуткая легенда:
«баржи на Малой Неве затопили»

...

глупая история,
где этих офицеров [censored]...
там они и сгнили

Смотрю с Тучкова моста вниз по течению. Страшно.

А в детстве часто катался на санках по их
могилам.

Бабушка меня туда водила. Она не знала.

Или знала.

* * *

Я знаю
несколько способов тебя обидеть.
От булавочного укола до газлайтинга,
когда от страха сама себе
 вены перегрызёшь вены.

Но я никогда
не делаю
ничего!
Почему ты сказала, что я злодей?

* * *

Я прокалываю мочку уха
булавкой
со стекл
 янной головкой

Glass-headed pins
Glaskospelden
Spilli con festa di vetro

воткнул Epingles,

а ты уже и молчишь,
мало места?

...

не помнишь, как и что происходит
«над модною лавкой»?

Сбив велосипедистку
на набережной,

— удар ногой в переднее колесо,
ловлю висок на кулак —
прошептать ей:
«Вы нас не поймаете!»

Потом, уже дома, долго размышлять...

Сигурд. Прогулка по Павловскому парку

Ольге Логош

Рефракционная решётка
твоих ресниц сияет радугой,
и я тебя целую в глаз...

Но ты не изучала Кроули,
и никогда не знала оптики,
а комары звенят, как формулы,
и кровожадны, как дракон.

Готическая роза Рильке опять высасывает душу.
Куда убрать её раёк витражный?

«*In vitro veritas*», пойми меня, хоть раз.

/звезда в колодце, как змея в глазу...
...зачем нам негритянские поверья —
тупого дикаря нелепый сон!../

Но ты — не понимаешь логики.
Равно как оптики и готики.
А комары летят, как дротики,
и бедный Сигурд — обречён.

Если кто-то в городе «xxxxxx»
что-то сделал раз и два и неоднократно
с вьетнамской девочкой, и не с одной,
а потом
на него надели шесть автомобильных покрышек
и подожгли,
это не значит,
что мы не пьём кофе
в Ленинграде,
на углу Владимирского и не называем это
«Сайгон».

Эль президента

Зомби говорит за него:
— Меня предал генерал Пальма!

Зомби говорит за него:
— Я умру на ступенях дворца
Ла-Монеда!!!

Президент умирает, с АК-47,
дёргающимся в руках

Светлая память!

За гранью гениальности

Поэт, почувствовавший вкус к сочинительству стихов и освоившийся в своём ремесле, с некоторых пор начинает испытывать дискомфорт. Сначала его безумно раздражает равнодушная и ничего не понимающая в искусстве чернь, сводящая на нет все его усилия, направленные на осчастливливание человечества. С другой стороны, — у каждой творческой личности, оказавшейся среди многочисленного и с трудом поддающегося классификации сонма себе подобных стихоплётов, неизбежно возникает желание переместиться в более элитарную категорию авторов — на Олимп, к гениям и небожителям. В конце концов, самые смелые решаются на побег из привычной среды обитания. В результате определённых усилий отдельным баловням судьбы удаётся обосноваться на вершине современной поэтической иерархии — в своего рода райских кущах, где они и остаются до конца жизни и, если повезёт, даже дольше. Однако находятся немногие избранные, которые постепенно приходят к мысли, что неумолимая инфляция духа катастрофически обнуляет любые попытки упражняться в перфекционизме, и вообще — чем выше и дальше, тем однообразнее, стандартнее и уни-

версальнее пейзаж, контекст и всё прочее, а значит, так называемый талант, на самом деле совсем не то, с чем стоит носиться, как дурень с писаной торбой. И тогда мысль о разрыве с опостылевшим окружением выходит на новый виток. Поэт начинает размышлять о границах гениальности (как способа существования в одной из параллельных реальностей), а также о том, что находится ещё дальше — за горизонтом.

Поэт Дмитрий Чернышев как раз из тех, кто всё понял и сделал выводы. Он давно предпочёл переместиться на территорию абсолютной стерильности, где качество написанного зависит от степени очистки словесно-понятийной фракции. И тут нет предела совершенству. Когда исчезает всё, что хоть как-то ассоциируется с материальным началом, можно говорить об экспериментах с квинтэссенцией. Чем как раз и занимается Дмитрий Чернышев. Его стихия и рабочий материал — нюансы, то есть всё, что расположено в интервалах между значениями и определениями. Именно нюансы и представляют собой соединительную ткань стерильного поэтического космоса. Принято считать, что её можно разглядеть между строк. Может быть. В конце концов,

недоступные для невооружённого глаза звёзды реально увидеть с помощью мощного телескопа. Однако нюансы Дмитрия Чернышева находятся далеко за пределами всего, что поддаётся артикуляции, формулировкам, представлениям и описаниям. Чтобы к ним приблизиться, необходимо забыть названия всех вещей и явлений и научиться обходиться без привычных опор и ориентиров. И тогда текст пресуществляется в поэзию, а душа автора — в индикатор всего и вся.

В самом деле, стихи Дмитрия Чернышева можно сравнить с водной гладью, отзывающейся на малейшее шевеление или прикосновение в радиусе миллионов световых лет (то, что называется нюансом), отзвуком ряби на поверхности. Что поделаешь — кто-то же должен мониторить поэтическую вселенную, а заодно популяризировать новомодные изыски. Иначе мы повернем вспять, испугавшись подставить лицо божественным ветрам, а изнутри нас продолжают разъедать банальности и дурновкусие.

Дмитрий Чернышев преуспел в искусстве концентрации, добившись предельной неисчерпаемости. Его экстракты абсолютно активны, действенны и универсальны, как с точки зрения

убойности, так и способности воскрешать из мертвых, — они будто возникли среди буйства примордиально-инициативной стихии в тот период, когда еще не было времени, и поэзия находилась в доэмбриональном, потенциальном состоянии (но мы-то знаем, что все было вовсе не как будто, а на самом деле).

В наши дни среди бессмысленной беспорядочности различных неудобств и нагромождений, которые то и дело приходится мучительно преодолевать, формулы Чернышева, его символы и архетипы выполняют функции эталонов и камертонов, призванных очищать мозги от интеллектуального и эмоционального мусора, способного превращать волшебные метафоры в отвратительное месиво, приготовленное на прогорклом комбижире.

Дмитрий Чернышев — великий дематериализатор слов. Прodelайте эксперимент. Прочтите первый попавшийся фрагмент его послания. И взгляните в написанное. Вы увидите, как типографский шрифт на ваших глазах медленно растворится в воздухе, чтобы всего через несколько секунд снова как ни в чём не бывало появиться на прежнем месте. Если на дне вашей экзистенции еще чудом сохранились элементарные частицы

романтики, то увиденное станет тому убедительным подтверждением.

Как некоторые сущности не отбрасывают тень, так и денди, по законам той же стерильности, не имеет настроения. Дмитрий Чернышев предлагает нам лёд, который можно бросать во что угодно, чтобы охладить до абсолютного нуля — состояния, когда исчезают все посторонние факторы и остаётся только дистиллированный вакуум. Теперь, согласно инструкции, необходимо опустить в бокал свой внутренний персональный меридиан и наслаждаться возникшими отблесками и свечениями в виде утонченно изысканных не то намёков, не то пророчеств или откровений — одним словом, центурий-катренов, разбросанных подобно космическим туманностям повсюду и дальше, — там, где заканчиваются страницы и начинается вечность.

Книжка, которую вы держите в руках, вовсе не предназначена для «чтения». Просто всегда держите её при себе. Современный социум непредсказуем, и мало ли в какую минуту вам может срочно понадобиться что-то типа дозиметра. Вдруг вы, сами того не подозревая, окажетесь на смертельно опасной территории. Над вами будет

ласково сиять солнце, чирикать птички, стрекотать кузнечики, но неожиданно, откуда ни возьмись, как гром среди ясного неба зазвучит тревожный сигнал. И ничего не поделаешь — придётся срочно подстраиваться под изменившиеся обстоятельства, корректировать свои взаимоотношения с эгрегором, обретать свежий, более актуальный взгляд на происходящее внутри родной кали-юги.

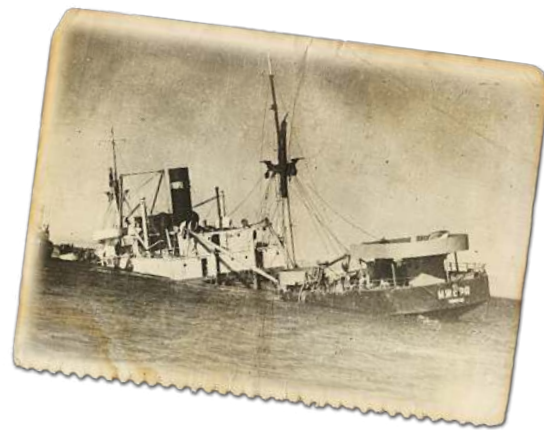
Жизнь продолжается, и в ней иногда случаются приятные события, а то и фантастические чудеса. Вот родился очередной опус Поэта — плод его пламенного вдохновения. Каково самое первое впечатление после беглого, поверхностного знакомства с ним? Лично я испытал чувство, что оказался за пределами гениальности. Словно взлетел и оторвался от земной тверди. Где-то позади остались самые гурманские лакомства и изыски, а также те, кто их старательно готовил. Лучшие из лучших, все кумиры, корифеи, маститые и даровитые вдруг исчезли из поля зрения. Их голоса больше не слышны. Никто не докучает общезвестными истинами. Яркое полярное сияние отделило меня от привычной насыщенной впечатлениями повседневности. И одновременно обрушилась вся система ценностей, на возведение которой

я потратил целые десятилетия. Такое ощущение, что я нашел то, что подсознательно искал долгие годы.

Посмотрев на книжку Дмитрия Чернышева, я понял, что держу в руках свой личный философский камень, с помощью которого, наконец, могу превращать в золото всё что угодно. А что ещё нужно для полного счастья?

Игорь Дудинский [11. VI. 22]

Дмитрий Валерьевич Гиппиус

«ЕстЕСТво-испытатель»

**Серия «Сингл» (The Single). Книга восемьдесят девятая.
Книжные серии товарищества поэтов «Сибирский тракт».**

stihi.online

revolverart.ru

 izdatelstvo_stihi

Подпишитесь

Арт-директор, автор макета: Арсений Ли

Главный редактор: Алла Поспелова

Директор фестивальных программ: Кристина Валюкевичюте

Автор концепции и названия: Роман Рубанов

Вёрстка: Сергей Пушкин

Корректор: Кира Казарина

Логистика: Георгий Цедилкин

Бумага офсетная
Гарнитура Trivia
Тираж 200 экз.

Издательство СТИХИ, 141705,
Россия, Москва, Мытищинский р-н,
с. Виноградово, пер. Ручейный, д. 17а.
Тел.: +7 (926) 221-18-16.
Э-почта: lee@revolverart.ru.